

УДК 94(470.54):008

Погорельская Елена Юрьевна

доцент кафедры социально-культурного сервиса
и туризма факультета социальной психологии,
АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)
E-mail: schreibigus@mail.ru

Pogorelskaya Elena Ur'yevna

Associate Professor at Hospitality
and Tourism Chair, Faculty of Social Psychology,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

Чернов Леонид Сергеевич

доцент кафедры философии и политологии,
Уральский институт – филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Екатеринбург)
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Chernov Leonid Sergeevich

Associate Professor at Philosophy and Political
Science Chair, The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(RANEPA), Ural Institute (Ekaterinburg)

ЕКАТЕРИНБУРГ – ИМЯ-СИМВОЛ   EKATERINBURG – NAME-SYMBOL

Аннотация

Данная работа состоит из двух частей. В первой, феноменологической, части символ города представлен через имя города; авторы показывают глубинную метафизическую связь имени города с историческими событиями и фактами истории Екатеринбурга. Город здесь видится как живой организм и личность. Вторая часть работы является иконографической и семиотической иллюстрацией идей и тезисов первой части.

Ключевые слова: Екатеринбург; символ; имя; мастерство; Святая Екатерина; город-крепость; идеальный город; икона Екатерины; пряжа; обручение с Христом.

Abstract

The paper discusses the problem of the city symbol. The article consists of two parts. The authors show the deep metaphysical links between the city name and historical events and facts of history of Ekaterinburg in the first, phenomenological, part of the article. The city appears here as a living organism and a personality. The second part of the work is semiotic and iconographic illustration of ideas and theses of the first part.

Key words: Yekaterinburg; symbol; name; skill; Saint Catherine; walled city; ideal city; Catherine icon; Womenspinner; betrothal to Christ.

О городах написано много. Но сам символ города чаще всего остается «за кадром». О символе города не принято спрашивать, кажется, что он ему и не нужен. Стены городов выстраиваются как раз на уверенности, что все и так понимают, в чем существо вопроса. Город суть совместное место жизни и административный социальный центр. Мы можем жить в городе без какого-либо его понимания, как это часто бывает в жизни. Существование города избыточно по отношению к его сущности, отсюда сущность города ускользает. Улицы, дома, машины, реклама, магазины, дороги, повседневная суета – всё это ежедневно воспроизводится как некое коллективное, само собой воспроизводящееся бытие. Приглядимся: что мы видим вокруг?

В обычной жизни мы чаще всего имеем дело со следствиями. Если посмотреть по сторонам, то городские улицы, дома, деревья, стекло и асфальт, которые вокруг нас, – это всё, по сути, следствия. Вы скажете, что всё это следствия человеческой активности и это банально, но почему тогда это не распаханная земля, и не цветущий сад, и не ферма, которые тоже являются результатом человеческого труда? Значит, не только в человеческой активности дело. Городской ландшафт – это следствие не только активности, но и особого рода метафизики, и эта метафи-

зика имеет вполне ощутимые, наглядные следствия. Что такое город? И чем отличаются друг от друга города? Носит ли каждый город в себе свое звучание? Или космополитам бюрократии удалось все унифицировать и кастрировать?

Всякий город существует как индивидуальность. Мы полагаем, что город имеет свое лицо, и это не только метафора. Мы считаем, что каждый город имеет свой символ, свою врожденную энтелехию, полноту, которая будет разворачиваться в конкретной традиции города. Символ города положен изначально в своей полноте как сущая определенность, как актуальность, позволяющая отличить один город от другого, одно лицо от другого.

Мы наблюдаем постоянный рост городов, города растут вширь за свои административные границы; вверх – за облака; в глубь своей собственной метафизики, распространяя свое влияние в новые сферы и области. Каков Екатеринбург? Сколько его? Известно, что город вырос из крепости. Территория, огороженная крепостной стеной, была по современным меркам очень невелика. Но в том-то и существо символа, что, начинаясь как ключ небольшого источника, он, постепенно наполняясь и наводняясь собственным существом, перерастает в большую, сильную реку. Поэтому вопрос о границах города – это вопрос риторический. Что такое граница? Это горизонт сферы влияния. Но задан этот горизонт предвечно, коль скоро символ – не историческое образование. Он будет разворачиваться в истории, актуально же он уже ставшее, полнота, сила и определенность. Для сравнения: где границы Солнечной системы – на той более-менее изученной сфере, гелиосфере, «пузыре звездного ветра», в котором найдены планеты, астероиды и т. д.? Или все-таки область влияния звезды распространяется на больший масштаб, коррелирующий с силой притяжения этой звезды? Для космологов ответ на этот вопрос очевиден. Граница влияния Солнца не заканчивается областью изученного. Но что-то растет, а что-то нет. Символ не идеологическая структура. Вся идеология рано или поздно превращается в труху. Остается только то, что от живого: где реально была задействована душа? Избыточное и излишнее – матрица в мире рождений [7. С. 60]. Город представляет собой традицию, а что такое традиция? Вход в бесконечность.

Город возник в 1723 году. «Это был Екатеринбург – столица заводов, выстроенная по картинке с названием “Крепость идеальной планировки”, на века утвержденного главного города края. Отныне могли рождаться новые заводы, а старые умирать, могла отпасть нужда в крепостях, губернии могли менять границы, а край – название, но Екатеринбург должен был оставаться тем, чем он задуман был при основании – столицей Урала» [5. С. 7]. Если город начинался с крепости, предполагалось, что это место потребует защиты, оно особое, ценное. Крепость должна была дать этому месту надежность и силу. Спланированная крепость – результат рационального решения, решения, позволяющего понимать целесообразность и необходимость такого устройства на земле. Идеальная планировка – аргумент к метафизической реальности. Внутри крепости можно строить заводы, храмы, площади и жилые дома; главное, чтобы было под охраной, как физической, в виде крепких стен, так и метафизической – под мощью небесного покровителя. Поэтому практически сразу с закладкой крепостных стен – 12 марта 1723 года в городе Екатеринбурге была заложена церковь Святой Екатерины. Закладка Храма зафиксирована 1 октября 1723 года. Закладывали город на всех уровнях.

Имя городу, по преданию, было предложено Георгом Вильгельмом де Генниным, специалистом в области горного дела и металлургического производства, другом и соратником Петра I. «Желая угодить царю, Геннин задумал назвать новый завод в честь его жены – императрицы Екатерины и получил на это согласие. 1 октября 1723 года на левом берегу Исети была заложена мазанковая церковь в

честь Святой Великомученицы Екатерины, а 24 ноября уже праздновались первые именины завода-крепости, причем палили с крепости из пушек...» [8. С. 239].

Имя города составляет его «генетический центр», или первоклетку [14. С. 363], как говорит Павел Флоренский. Это активная точка роста. Наличием имени, имени собственного, утверждается живое начало всякой вещи. Вспомним библейское сказание об Адаме. Адаму Богом была дана благодать называть всякую тварь по имени, то есть дать растениям и животным имена. Адам первый их назвал, и, вероятно, имена первоначально имели значение «собственное», коль скоро природа подчинялась Адаму. Но впоследствии человечеством это «послушное свободное подчинение природы» было утеряно и имена превратились в имена «нарицательные», в названия. Но имена «собственные» остались, и там, где они сохранились, разрыв между вещью и именем – минимален. А. Ф. Лосев говорит: «Имя вещи есть сама вещь» [6. С. 38], указывая на то, как вроде бы «малое» может быть принципиальным ходатайством за «большое». Когда мы зовем кого-то, мы зовем по имени все его существо. Имя относится к целому существу. Человек рождается, и первое, что ему дают, – имя. И в документе – свидетельстве о рождении – на всю жизнь будут фигурировать только три совмещенных факта: кто, когда и от кого родился. Вот что будет всю жизнь представлять живого человека. Потом, конечно, появится паспорт и другие документы, но это будет уже распространением влияния имени. С городом все очень похоже. Важно, когда город был основан, впервые упомянут в летописях, документах, свидетельствах. Важно какое лицо – император, царь, пророк – стоят у его основания. Важно, наконец, как этот город назван. Ведь в имени города его судьба. «По имени и житие», – говорит Амвросий Оптинский. Мудрые правители очень внимательно выбирают имя городу. Например, возникновение современной столицы Казахстана во многом связано с личным выбором имени столицы президентом Н. Назарбаевым. Он выбрал это место, территорию советского Целинограда, но, конечно, не оставил советское название, как пустое и отработанное, как бесперспективное для будущей истории Казахстана. Но Н. Назарбаев мог «оставить», восстановить прежнее название этого места, красивое имя, казахское Акмола и назвать так столицу, тем более что за этим именем стоят два века казахской истории. Но он не стал так делать, ведь Акмола, в переводе с казахского, – «Белая могила», а никто такой перспективы для своей столицы и соответственно для себя не хочет. И потому, строя принципиально новое будущее Казахстана, Нурсултан Назарбаев, а с ним и казахстанцы назвали свою столицу Астана, что в переводе с казахского просто «Столица». Так казахстанцы трепетно отнеслись к имени города, ибо почувствовали за ним реальную силу.

Итак, символом города является его Имя. Имя – это духовный центр города, в нем содержится вся полнота дальнейшего духовного, душевного и телесного формообразования. Один из современных писателей интуитивно уловил в имени города главное: «Это не просто имя города. Это программа. Это курс. Это цель» [3. С. 136]. Популярный писатель не расшифровал своих слов, но сущность имени схвачена верно. Самосознание города связано с его именем. «Кто ты?» – спрашивают у человека. «Я – Павел», или «Я – Андрей», – говорит он. «Я – Екатеринбург», – говорит город. И для человека, и для города страшно беспмятство. «Не помнить себя», – говорим мы о человеке, – «потерять лицо». Город себя помнит – все когда-то начинается и остается навсегда. «Настоящее выступает ни как разрыв, ни как следствие прошлого, но как удержание прошедшего настоящего» [1. С. 60]. Рождение города происходит шаг за шагом. Если бы его история была только разворачиванием программы, исключительно развитием замысла, то мы бы имели дело лишь с псевдотрадицией, развитием по плану, город утерял бы свободу, которая является основным признаком живого. Свобода – это всегда избыточное в

любом существе, это то, что переливается через край, это то, что сверх и «только от меня». Это то, что от избытка, а не взамен. У города есть такие точки роста, он прежде всего – люди, особое устройство, через него (человека) длится традиция, которая является результатом усилия, реализуется через поступок. «Возьмешься продолжить – и не кончится», – говорит Б. Пастернак. Можно рассматривать традицию как абстрактную вещь, но любая традиция выполняется через воплощение человеком своего предназначения. Спрашивают: а какой путь в развитии города? Так вот же он – имя само дает ориентиры. Имя величает традицию и состоит из двух соотнесенных частей: Екатерина и Burg = Екатеринина крепость.

Святая великомученица Екатерина, небесная невеста, считается покровительницей горного дела и образования. Святая Екатерина Александрийская – это образец непреклонной веры. Предвечный план развития города был определен. Свобода в любом развитии, в том числе в развитии города, предполагает осознание своих даров и их умножение. Нельзя развиваться в пустоте или из ничего. Всегда для возрастания есть основание. Человек более всего свободен в своем таланте. Город более свободен как определенная традиция. Когда мы употребляем слово «традиция», то надо понимать, что традиция – это не замок на песке, случайно выбранный без конца и начала путь. Сквозь традицию мы видим истину – то, что изначально присутствует в качестве зародыша жизни. Традиция в этом смысле – дар особого рода, который будет постепенно разворачиваться в определенность, «выпадая в осадок» реальным историческим капиталом. «Только чистое смысловое единство традиции в состоянии обосновать преемственность, без которой не было бы самой подлинной истории, мыслящей и замысляющей себя как таковую, а был бы лишь эмпирический набор конечных и случайных единств» [1. С. 63].

Не случайно в городе с именем – Екатеринбург сразу построили Екатерининский храм. Заложенный 1 октября 1723 года и освященный в 1726-м, он изначально представлял собой небольшую мазанковую церковь. В июле 1726 года императрица Екатерина I пожаловала новому собору царский подарок – священнические облачения, богослужебные книги, серебряную церковную утварь. По стечению обстоятельств церковь в 1747 году сгорела, и было принято решение о закладке нового, уже каменного большого собора, который свободно вмещал бы всех верующих города. В то время считалось, что один собор должен быть примерно на 100 дворов. При населении Екатеринбурга к этому времени более 1 085 дворов, что составляло около 5 726 душ, одной небольшой Богоявленской церкви, не вмещавшей даже половины населения, явно не хватало. 16 августа 1758 года произошла закладка нового каменного собора в честь Святой великомученицы Екатерины. Построенное здание Екатерининского храма было самым вместительным в городе (приблизительно 1 500 квадратных метров), в два раза больше площади других крупных церквей. В 1770 году при соборе было устроено небольшое кладбище для почетных граждан. С самого начала устройства Екатерининской церкви в ней давали присягу горные инженеры, а с XIX века и новобранцы. В храме хранилось знамя, пожалованное императором Александром II Уральскому горнозаводскому батальону в связи с его столетием, а в конце XIX века при храме начала действовать церковно-приходская школа. Главной святыней храма была часть мощей святого праведного Симеона Верхотурского. Престольный праздник собора – день святой Екатерины (24 ноября по старому стилю, 7 декабря – по-новому) продолжал оставаться одним из главных праздников Екатеринбурга, вплоть до революции. Площадь, на которой стоял храм святой Екатерины, называлась Екатерининской. В марте–апреле 1930 года Екатерининский собор был сознательно разрушен властями города [10]. В 1998 году, к 275-летию Екатеринбурга, на месте разрушенного храма была построена часовня во имя Святой вели-

комученицы Екатерины. Традиция не порвалась. Все живое когда-то начинается и остается навсегда.

В житии Святой великомученицы Екатерины рассказывается о подвиге веры женщины, не сломленной натиском человеческого зла. Конечно, без благодати такие испытания не выдержать, но качества человеческие, проявляющиеся в таком правоверном тигле, – качества крепости: нерушимость, надежность, умение противостоять врагу. Одним из символов Святой Екатерины является колесо. Колесо – очень древний символ разных культур, но для Екатерины колесо было орудием пытки, а особенность веры заключается в преобразовании всего во благо. На печати Екатеринбургского завода – изображение колеса Екатерины.

Город, построенный на горе, соединяет небесное и земное. Город над всем, ближе к небу, да и гора над ним не простая, в уральских горах клады земные. Есть предание, что Татищеву чудская Царица указала место, где закладывать городскую плотину – там якобы сердце Урала. Что это была за Царица? То ли владычица народа, ушедшего со своими тайнами под воду, то ли Хозяйка медной горы, которую знавали позже мастера уральские, а может, не узнал Татищев покровительницы Небесной? Невозможно представить сказание о земле уральской без этого чудного женского образа, везде он присутствует.

Западные исследователи вообще идентифицируют Россию с женским началом, и называют душу России – женской [2]. Если брать эти тезисы формально, то Екатеринбург с его женским основанием внутри символа подтверждает эти определения. Но какую «женскую» душу чаще всего подразумевают западные авторы? Обычно в их концепциях женское начало выражается через слабость, податливость, бесформенность, уступчивость, нестабильность, иррациональность и отсюда – безынициативную непоследовательную жалость и без-энергичную доброту. Но так ли это? В имени Екатерины мы находим совсем другие свойства женского характера, да и русская литература чаще говорит о другом типе женственности: «с походкой и взглядом цариц». А то, что такие женщины, как Святая великомученица Екатерина, «коня на скаку остановят», так эта способность – продолжение той огромной душевной силы, которая за внешним спокойствием может быть и не видна. В сказах П. П. Бажова представлен женский образ Хозяйки Медной горы, владычицы уральской. В образе этом нет никакой слабости, слезливости, сентиментальности, бесформенности. Хозяйка очень определена, она всегда конкретно говорит своим мастерам, чего она от них хочет, скорее даже требует, и требование это, прежде всего, связано с полнотой отдачи душевных сил мастера. И самое серьезное предательство – это предательство своего таланта, который, собственно, есть дар, требующий возрастания. Можно предположить, что эта суровая Хозяйка Уральских гор – народное воплощение Святой Екатерины, и у образа этого «железная ориентация». Вообще, царь Петр I хотел вырастить на Урале особый народ, надежный, как камень и металл.

Татищев не зря выбрал место такое для города: по преданию – там сердце Урала. А что в этом сердце? Хотя П. П. Бажов прямо говорит: «Тело каменно, сердце пламенно». В этом месте основная сила Урала, его энергия. Понятно, что никаким инструментом, прибором в традиционном смысле эту энергию не померить. Место, в общем, неприглядное: узенькая Исеть, и на ней должен вырасти Екатеринбургский завод. Как можно было выбрать такое место? В. Н. Татищев, конечно, представил Петру I обоснование такого выбора сугубо рационально, с экономическими аргументами, но сколько у нас в стране рационально обоснованных провальных проектов?! Выбор места – событие феноменальное, надо было почувствовать это место. Или нужно было, чтобы тебе подсказали. Пламенное сердце Урала предполагает, что природа в этом месте ждет взаимодействия с Мастером. Ведь железо, которое прославил в XIX веке Урал на весь мир, – это

не природная стихия, не вода, не огонь, не нефть, в конце концов. Железо – это уже идея. Это уже оформленное творение человека. В самом сердце Урала поставили колесо. Колесо Екатерины – символическая вечность, разбавленная страданием.

Сколько противоречивых движений внутри символа, как по-разному он может воплощаться. Символ амбивалентен. Конечно, под одним именем мы находим разные судьбы, и кажется, что нет никакой связи между именем и жизнью. Но так ли это? Символ сам по себе не морален, свобода в нем реализуется по-разному, но как бы в общем фарватере, в общем строе. Он может реализоваться в разных вещах, но стиль реализации, характер, почерк – будет схожим. Специфика имени как символа в том, что имя – наиболее активный символ. «Имя есть всегда какая-то сила, направленность, стремление, обращение и обращенность. Имя всегда как бы щупальца, активно схватывающие жизнь и осознающие, оформляющие действительность» [6. С. 61]. То, как будет проявляться имя-символ, – зависит от людей, но сказать, что открыты все пути в любую сторону и всегда – на самом деле очевидная ошибка. Имя должно осуществляться, причем осуществляться конкретно. Всегда у истоков великих свершений стоят люди особенные, полностью отданные во власть идеи. Конечно, страстность природы таких людей делает их поступки в глазах большинства выходящими за пределы общепринятой морали, отсюда и осуждение, и непонимание. В. Н. Татищев как приемник идей реформатора Петра I во многом устанавливал новую крепость крайними мерами. «Татищев был и упрям, и жесток, требовал выполнения намеченных уроков во что бы то ни стало. Снисхождения он не знал. Бывший горный начальник понимал, что главным его оправданием перед царем Петром будет построенный завод. И не жалел ни себя, ни других. Чтобы установить жесткий контроль за строителями, он неделями не возвращался на Уктус, ночуя вместе с солдатами в промерзлых срубах, по утрам вскакивал раньше всех, поднимая вместе с офицерами солдат на работу... Его фанатизм был страшен, казалось, он вытравил из себя малейшую жалость» [16. С. 70]. Чтобы таким быть, человек должен чувствовать свою историческую миссию, понимать абсолютную ценность идеи, которая определяет всю его жизнь. Только идея может так поднимать людей. Василий Татищев организовал вторую после Санкт-Петербурга по масштабам стройку России.

Есть одна особенность этого города. Гордились здесь прежде всего умением. Мастерство на Урале – главное в человеке. Город уральский Екатеринбург не потреблял результатов своего мастерства – вся продукция заводов (а это в основном было полосовое железо¹) шла в западные страны. «Все знали, что казенное железо идет за моря, давая стране основной доход. Почти век европейская цивилизация держалась на уральском полосовом железе, строила с его помощью собственные заводы, флоты и самое будущее» [5. С. 14]. В XVIII веке в окрестностях Екатеринбурга открылось миру уральское золото и цветные камни, позволившие строить дворцы и храмы Санкт-Петербурга. А в XIX веке оказалось, что край этот поистине «золотой». «Екатеринбург стоял среди золота, прямо на золоте; к началу 1830-х годов больше половины всего золота мира добывалось на Урале» [5. С. 59].

Мастерство на Урале связано с техникой. Но мастерство и техника – разное. Кажется на первый взгляд, что и то и другое – средства для достижения определенной цели. На самом деле «мастерство» и «техника» – это разное отношение к миру. В техническом отношении к миру нет любви и нет заботы, а следовательно, нет и понимания предмета, с которым техника имеет дело [15. С. 232]. Сущность техники в бездушной эксплуатации предмета – в стремлении как можно больше

¹ Полосовое железо – железные полосы в полпуда или пуд весом, раскованные боевыми молотами молотовых фабрик Екатеринбург.

из него извлечь, она суть выкачивание силы, «кровопускание», говорит Д. Н. Мамин-Сибиряк в одном из своих рассказов о таком отношении [9. С. 285]. Поэтому, когда на Урале появлялись люди, операционально относящиеся к его богатствам, они не приживались, место их выталкивало. Целесообразность, эффективность, организованность – всё это в горнозаводском деле имело место, но только не могло быть определяющим. Мастер на Урале – это особый метафизик, идеалист земли.

Екатерина – покровительница горного дела и образования. Будучи царской дочерью, получив самое лучшее образование, зная науку, философию, несколько языков, Екатерина, конечно, хотела и жениха себе под стать. Образованность повышает амбиции и самооценку, и светское образование уж точно смирения не дает. Екатерина была амбициозной девушкой. Но эта «слабость» стала, как ни странно, входом в новую жизнь. Екатерина хотела «достойного» жениха, чтобы под стать ее красоте, учености, царскому сану – и кто это может быть? Ей рассказали о Христе, она, как чуткий человек, поверила, приняла крещение, а потом во сне получила божественный подарок – кольцо. Значит, кроме амбиций еще что-то было у Екатерины. Когда-то на пустых амбициях люди построили Вавилонскую башню, и что из этого вышло, мы знаем: город был разрушен. А если в сердце заложена идея, то можно уже строить не боясь. У Екатеринбурга много амбиций [3. С. 573]. И люди сюда едут, во многом толкаемые именно амбициями. Но что в итоге происходит? Город требует большего. Город требует основания под амбиции. Происходит схватка между личными притязаниями и условиями, которые ставит человеку город. Под амбиции нужна душа.

Есть в городе шикарный дворец – усадьба Расторгуева–Харитоновна. Ее построил купцу Расторгуеву один талантливый зодчий, выписанный Расторгуевым из Тобольской каторжной тюрьмы по совету приятеля купца. Расторгуев «договорился деньгами» с кем следует в Петербурге, и безвестного мастера списали в Тобольском остроге как умершего. Расторгуев посулил мастеру свободу, если сделает он дворец по типу европейских, самый лучший в городе, для показа могущества купца. И место было выбрано подходящее – на Вознесенской горке, весь город с него видно. Мастер сделал замечательный дворец, и великолепное здание не подавляло человека, а было соразмерно ему. Двенадцать лет усадьбу строили – не для жизни купца – для славы. И выражена в этом творении вся нежность мечты мастера о воле вольной. Но черствым оказался купец, не сдержал своего слова – и умер мастер в печали. Имя его неизвестно, хотя ходят слухи, что он итальянец... Но кто его знает. Так говорят историки. Екатеринбург несет в себе противоречие, как и любое живое нечто. Вот он, дворец, не один уже век радуется взор горожан – красивый. И ни одно здание – архитектурный объект, построенный по критериям современности, – не сравнится с этим великолепием. Видимо, и не сделают ничего лучше. Потому, что в усадьбе этой заложено сильное чувство – желание свободы. Видно было – старался мастер, ни на страх, ни на совесть, а по жажде свободы и по полноте душевной. Но не сдержал слово купец, и сгинул в тоске великий мастер, значит, и город в чем-то был и тупиком.

Но не видят люди в этом строении боли. В нем полнота, совершенство. Не оставил там мастер свою печать – с собой унес в могилу, а памятник стоит бесконечно молодой; и будет радовать, и уточки будут, и беседки, и аллеи тенистые вокруг. Как же так: и здесь не нашли мы тупика! Стоит теперь этот памятник, украшает город, любят люди на него, красивый, и не знают, каким чувством он был построен. Душа там живая в творении. Вот он и нравится людям.

Екатеринбург был задуман изначально как крепость идеальной планировки, Екатеринбург был задуман как идеальный город. «Городские оси проектировщики расположили, как им казалось, строго по сторонам света: параллельно реке с

прудом – с севера на юг, проспект через плотину – с запада на восток. Равносторонний четырехугольник крепости напоминал и культовое сооружение, и модель мира. В форме крепости выделась вся Вселенная: четыре стороны света, четыре времени года, четыре стихии и т. п. В самом центре крепости – как в центре мироздания – устроен был крещеник плотины, регулятор наполнения заводского пруда. Вешняк, или крещеничный прорез, давал жизнь заводу. На равном расстоянии от него располагались на двух берегах два равных екатеринбургских здания – Обер-бергамт и церковь Святой Екатерины. На правом берегу, где стоял Обер-бергамт, обустроены были и все прочие конторы. В правой половине крепости отпирались четверо ворот: правая сторона светлая, открытая, “дневная”, разум человеческий, жизнь. На левом берегу, на церковной стороне, – госпиталь и бани, ворота же крепостные только одни, а за воротами – кладбище. Левая сторона – закрытая, темная, “ночная”. Сторона, напоминающая о смертной телесности и о бессмертной душе человеческой» [5. С. 10–11]. Такая рациональная планировка города говорила о крайней сознательности его основателей, желании все сделать «по уму». Это «по уму» говорит о том, что город явно носил в себе западноевропейский прогрессивный характер строительства, что вполне соответствовало духу реформ Петра I. Петр, как великий реформатор земли русской, не побоялся преобразовывать ее нерусской мыслью. Здесь, в Екатеринбурге, пробовались самые передовые западные технологии. Заводы города требовали квалифицированных мастеров. Мастер на Урале – категория нравственная. По труду на Урале меряется человек целиком. Мастер – в чем-то бог, он знает, как должна выглядеть действительность, и потому считает возможным навязывать свое видение другим, своей свободой он упорядочивает и украшает мир. Творческая мощь действует в нем как откровение. Мастер создает космос – он осуществляет контроль и упорядочивание мира. Мир очень изменчив, но должна быть ось, которая не позволяет изменчивости мира превратиться в хаос. Эта ось – мастер, осознающий свое призвание и утверждающий себя в нем. Ведь высшее благо – то, что не может быть отобрано. Если талант не зарывать, как, по преданию, сделал трусливый нерадивый раб, то в дальнейшем будет только возрастание. Идеальный город – это город, в котором каждый занят своим делом, город мастеров – людей на своем месте. Как бы ни крутилось колесо жизни, в основании все равно будет лежать порядок. В. Н. Татищев понимал, что для управления сложными фабричными процессами нужны образованные люди. Можно, конечно, кого-то из мастеров «выписать» из столицы, можно кого-то отправить учиться за границу, но не проще ли вырастить специалистов у себя дома? Образование, образованность требовались сразу. Лицом города будут грамотные квалифицированные мастеровые и техники. В городе уже при Татищеве и де Геннине появились школы, которые в своем развитии дадут и горное училище, и геологические разведывательные службы, и горные музеи, и горный институт. Так город через поколения станет колыбелью технической интеллигенции. И это ведь тоже неспроста, уже в символическом основании города заложена воля к знанию.

Город Екатеринбург – уральская Голгофа. Есть какая-то связь между тем, что в Иерусалиме убили Христа, а в Екатеринбурге убили последнего русского царя и его семью? Амбивалентность символа святой великомученицы Екатерины предполагает, что эта земля связана со страданием. Ведь не зря Екатерина – великомученица. Павел Флоренский пишет: «Имена распределяются в народном сознании на группы. Если священник дает крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь, а если имя мученика, – и жизнь сойдет на одно сплошное мучение. Обычно подчеркивание в имени его царственности, нищелюбия и других качеств. Да, в имени, а не в святом, ибо святой сам имеет определенный склад своей личности и определенную кривую жизненного пути, как носитель имени

своего. В житиях многочисленны указания о ярком выражении святым духовной сущности своего имени... Имя оценивается церковью как духовная конкретная норма личностного бытия, как идея... И все-таки – имя – онтологически первое, а носитель его, хотя бы и святой, – второе; самому Господу, еще не зачавшемуся на земле, было предуготовано от вечности имя, принесенное Ангелом» [14. С. 367–368]. Екатеринбург стал для царя Николая II и его семьи колесом пыток. В этой схватке царь Николай II страстотерпец победит город. Как победила вера великомученицы Екатерины – пыточное колесо. Екатеринбург, как и Иерусалим, возьмет на себя грех цареубийства. Екатеринбург, как и Иерусалим, покажет на себе, что Личность сильнее города. Пыточное колесо начнет действовать внутри самого города, екатеринбуржцы всегда будут помнить и терпеть то, что здесь произошло в 1918 году. Память и страдания делают сознание людей трезвым. Но боль не мешает город любить. Могущественное любить легко – ты попробуй любить, когда оно в загоне. Возможно, именно эта рана делает Екатеринбург таким живым.

Итак, город – это выраженное имя города, выраженный овеществленный проявленный смысл имени. Город говорит с нами, говорит на своем языке, активно и динамично, мы живем в нем и понимаем его. В своем имени он соотносится с нами целиком, без остатка. «Мы любим не вещь, но имена, ненавидим не вещи, но имена, и если умираем за что-нибудь, то “во имя чего”» [6. С. 36]. Конечно, выше представленное – это только подходы к символу. Но символ ведь бесконечен. Он похож на постоянное кружение вокруг одной темы, поэтому его, символ города Екатеринбурга, можно читать, расшифровывать, анализировать бесконечно.

Многие художники изображали святую Екатерину Александрийскую. В частности, в истории средневековой Европы популярен был сюжет мистического обручения Екатерины с младенцем Христом. Данный сюжет является иллюстрацией ее «Жития», в котором написано, что Екатерина отказывалась выйти замуж, поскольку никто из претендовавших на ее руку не мог превзойти ее саму в уме и благородстве. Простодушно взяв у христианина-отшельника икону Божьей Матери, Екатерина стала молить Деву Марию дать ей достойного жениха, предполагая, что им будет благородный юноша, но таким женихом оказался Христос. Картины на данную тему рисовали, например, представитель Высокого итальянского Возрождения Антонио Корреджо, испанец Хосе Рибера, фламандец Ганс Мемлинг, классик европейского барокко Антонис ван Дейк.

Символика изображения личности святого должна сохранять подлинную духовную историю его, и через максимально «аутентичное», сохраненное изображение его мы только и можем возвращаться к его личности. Иконы, как ритуальные предметы, являют нам подобного рода первичное изображение. В этой связи представляется важным рассмотреть и описать некоторые черты иконографического типа Екатерины Александрийской, учитывая, что иконографический тип, сам являясь символом, несет в себе и содержит в себе символы более частного порядка. Такими вторичными символами внутри иконописного изображения могут быть различного рода вещи, предметы, знаки².

Однако, прежде чем конкретно рассмотреть некоторые символы, находящиеся внутри иконы Екатерины, отметим, используя работу Н. Нефёдовой «Иконография образа святой Екатерины», что «на Руси изображения Святой Екатерины появляются уже в домонгольский период. Ее образ можно видеть в росписях Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (середина XII века), церковью Спаса Преображения на Нередице (1199 год), Спаса Преображения на Ковалёве в Великом Новгороде (1380 год), Рождества Христова в Довмонтовом городе во

² Этот, условно говоря, «локально символический» аспект внутри иконы обозначает Б. А. Успенский [13. С. 237–239].

Пскове (конец XIV века). В XVI веке в русском искусстве появляется новый иконографический вариант – “Моление великомученицы Екатерины о народе”, не встречающийся в византийском или балканском искусстве. Святая изображается со свитком в руке, содержащим текст ее предсмертной молитвы, позади Екатерины изображен палач с мечом; иногда рядом изображается колесо и крепостные сооружения Александрии» [4]. Мы фиксируем колесо, один из главных символов при изображении Екатерины, и крепостные стены города Александрии, в котором она родилась и приняла смерть. Крепостные стены сами по себе означают не только границу и мощь процветавшей тогда Александрии, но и их противостояние святой. Вера Екатерины и ее сила в итоге побеждают крепость каменных стен, но она рождена в городе, ей молятся горожане, и она просит Бога спасти тех горожан, кто молится за нее. Отсюда, без доли преувеличения, мы можем назвать Екатерину городской святой. Так мы говорим – Ксения Петербургская, Иоанн Кронштадтский, Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский, Екатерина Александрийская, Матрона Московская и т. д.

В этой связи существенно вернуться к тому «аутентичному» образу святой, который представлен на относительно ранних иконах Екатерины Александрийской и рассмотреть символику этих икон. Назовем две наиболее известные из них. Первая представляет изображение Екатерины с житием и традиционно датируется XIII веком. Считается, что именно это изображение долгое время находилось в монастыре святой Екатерины на Синае. Не будучи самым древним, именно оно служит каноническим образцом изображения Екатерины с ее житием. Такое изображение мы видим сегодня в Екатеринбурге, в Троицком кафедральном соборе, у южной стены храма (в левой его части). Это же изображение, но без жития, присутствует и в местном чине этого храма. Здесь данная икона соседствует с императором Николаем II, Симеоном Верхотурским и великомученицей Елизаветой. Подчеркнем соединение в этой левой части первого ряда иконостаса изображение действительно местночтимых святых и святой, имя которой носит город, в котором находится храм. На данном изображении Екатерина представлена в рост, с крестом в руке, в царском головном уборе, а нижняя часть одежды узором образует щит с крестом. Щит делает Екатерину воительницей не только в переносном смысле слова (воительница веры), но и в прямом. Лик Екатерины на этой иконе отличается строгостью и присущей всем ранним иконам живой непосредственностью, не имеющей ничего общего с живописной реалистичностью. Вторая икона датируется XVII веком и изображает Екатерину сидящей на троне; под ногами у нее книги, армиллярная (объемная, похожая на глобус) сфера, в левой руке пальмовая ветвь и крест. Автором этой иконы считается критский иконописец Виктор, и списки этой иконы можно в различных вариациях видеть сегодня как в православных храмах, так и в католических. Существеннейшим элементом-символом этой иконы является колесо, на которое Екатерина опирается левой рукой (в той, в которой крест и пальмовая ветвь – символ победы). В других иконах этого иконографического типа распятие находится в правой руке и так же правой рукой святая держит уголок книги, лежащей на столе. Левая рука с пальмовой ветвью опирается на колесо. Расшифровка символов данного изображения проста, за исключением колеса. Если книги, сфера, распятие и пальмовая ветвь означают соответственно мудрость³, рациональное знание, смерть за веру и Славу во Имя Христа, то колесо этой иконы требует внимательного к себе отношения. С одной стороны, святую и на других иконах и живописных изображениях можно узнать по изображению колеса как орудия пытки. Из «Жития» Екатерины мы знаем, что ее привязывали к колесу и мучили особым, придуманным специально для нее, спо-

³ Слова молитвы к св. Екатерине: «...испроси и нам, рабам твоим, оную Божию мудрость» (выделено нами. – Е. П., Л. Ч.).

собом. Такого рода эпизод нарисован на полях иконы «Екатерина Александрийская с житием». Но на греческой иконе сидящей Екатерины колесо напоминает, скорее, колесо прялки, чем орудие пытки. Левая рука опирается на колесо, и в этой же руке находятся распятие и пальмовая ветвь. Колесо стоит на книгах, как на подставке, и взгляд Екатерины обращен влево, по направлению движения руки и немного вверх. Крайне интересна и символична линия плаща (хламиды), с традиционной фибулой (застежкой). Линия/граница плаща Екатерины отчетливо выделена белым светом и образует на шее неправильный круг, повторяющий форму тела; далее она идет через фибулу и, поскольку плащ накинута на плечи и наполовину закрывает руки, то эта линия продолжается в сторону левой руки и закругляется на запястье, которое, в свою очередь, и касается колеса. В итоге нижняя, видимая нами граница, окантовка плаща святой, образует линию, идущую от пальмовой ветви в левой руке, к колесу, фибуле и правой руке, в которой ничего нет, но она изображена так, что как бы захватывает идущую от колеса нить. При первом обращении к иконе кажется, что в правой руке Екатерина держит веретено, и только при очень внимательном рассмотрении мы убеждаемся, что веретена нет, а граница хламиды создает такого рода впечатление. Однако едва уловимое движение на иконе в левую сторону, опора левой руки на колесо и окантовка плаща в виде отчетливой нити – все эти элементы в целом дают нам образ пряжи с веретеном в правой руке и куделем (волоконном) в образе пальмовой ветви. В итоге образ иконы приобретает достаточно специфический характер, мученичество на кресте – а колесо и крест часто в качестве локальных символов были взаимозаменяемы – превращается в созидательную работу пряжи, которая из Славы Христовой (пальмовая ветвь) прядет пряжу. Дополнительное значение эта икона Екатерины приобретает и в связи с колесом Фортуны. Образ Фортуны, которая вращает колесо жизни и от которого зависит счастье и несчастье человека, пришел в христианство из Античности. В данной работе мы не будем проводить аналогии и структурные сочетаемости двух типов мировоззрений⁴. Однако мы помним, что средневековая христианская фортуна, вращающая колесо жизни, – излюбленный мотив и образ европейской миниатюры, а позднее и ново-временной гравюры. Известны иллюстрации энциклопедии XII века «Сад утех», автором которых была Геррада Ландсбергская. «Сад утех» – собрание различного рода знаний, текст которого содержит свыше трехсот аллегорических миниатюр, выполненных самой монахиней. Среди них и колесо человеческих жизней, и, например, семь свободных искусств, вписанных в колесо. Повторим, очевидная структурная и композиционная связь между колесом судьбы, жизни человека и колесом, изображенным на критской иконе святой Екатерины, в данной работе не анализируется⁵. Достаточно ее зафиксировать. Екатерина в образе пряжи, ткущей ткань Христовой победы, точно сочетается с судьбой в ее христианском понимании. Екатерина сделала свой выбор, ее личность и ее образ запечатлены на иконе, и именно это является в иконе существенным. Зритель может видеть эту личность, принять новую одежду, сотканную из ткани подвига, знания, мудрости, распятия, мучения, а может не видеть и не принять⁶. Символика иконы предоставляет такого рода возможность. Как писал авторитетный богослов православной иконы и реставратор Леонид Ус-

⁴ Христианский писатель Шарль Пеги подчеркивал, что античная культура является для культуры христианской специфического рода подвалом, фундаментом, без которого дом христианства не мог быть возведен.

⁵ В данной работе исчерпывающе представлены различные образы, виды и формы колеса судьбы (см.: [12]).

⁶ Вплоть до середины XIX века в Европе проводилась казнь через колесование. На колесе было удобно дробить кости приговоренному и на том же колесе этот приговоренный очень «смешно» выглядел, выставленный на всеобщее обозрение, в буквально нечеловеческих позах, умирая долго с вывернутыми и болтающимися руками и ногами.

пенский, «свидетельство, которое несет православная икона, созвучно проблематике современности потому, что проблематика эта носит ярко выраженный антропологический характер. Центральный вопрос нашего времени – человек, загнанный в тупик...» [14. С. 411]. Вот еще цитата из работы этого «практического» богослова: «Главное значение ее (иконы. – Е. П., Л. Ч.) “открытия” в наше время представляется не в том, что ее стали ценить или более или менее правильно понимать, а в том свидетельстве, которое она несет современному человеку: свидетельстве о победе человека над всяким распадом и разложением...» [Там же. С. 413]. Антропологичность иконы святой Екатерины Александрийской раскрывается, с одной стороны, в ее личных, присущих только ей заслугах перед Богом, а с другой – в ее обращенности к каждому из нас. В первом случае она, будучи мученицей, как это показано на иконах с ее житием, становится свидетельницей и жительницей Небесного града Иерусалима, во втором – она дает и зрителю эту возможность. Через молитву, через изменение самого себя, через принятие себя, через подражание примеру, через обретение способности вплестись в ткань судьбы. А жить и работать в Екатеринбурге – разве не судьба?

Литература

1. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. – М. : AdMarginem, 1996.
2. Житие и страдание Святой великомученицы Екатерины [Электронный ресурс] // Православие на земле Судогодской : [сайт]. – URL: <http://sudogda.ru/life/ekaterin.htm>
3. Иванов А. Ёбург : [Город храбрых. Сделано в девяностые : сто новелл о Екатеринбурге]. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014.
4. Иконография образа святой Екатерины [Электронный ресурс] // Татьяна день : молодежный интернет-журнал МГУ. – 2010. – 6 декабря. – URL: <http://www.taday.ru/text/775840.html>
5. Корепанов Н., Блинов В. Город посередине России. – Екатеринбург : Сократ, 2005.
6. Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое самó. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2008.
7. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии: Опыт физической метафизики. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2012.
8. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений : в 12 т. – Свердловск : Облгиз, 1951. – Т. 12.
9. Мамин-Сибиряк Д. Н. Самородок // Мамин-Сибиряк Д. Н. Золото : роман; повести и рассказы. – М. : Художественная литература, 1985.
10. Манькова И. Л. Храм в сердце и памяти (очерки истории екатеринбургского Екатерининского собора). – Екатеринбург, 2000.
11. Уколова В. И. Фортуна в мире западного Средневековья // Вестник истории, литературы, искусства. – 2005. – Т. 1. – С. 174–184.
12. Успенский Б. А. Семиотика иконы. Общие предпосылки семиотического рассмотрения иконы» // Успенский Б. А. Семиотика искусства. – М., 1995.
13. Успенский Л. А. Богословие иконы. – М., 2001.
14. Флоренский П. А. Имена // Опыты : литературно-философский ежегодник. – М. : Советский писатель, 1990.
15. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. – М. : Республика, 1993.
16. Шакинко И. М. Василий Татищев. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.